

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 94(47)"1851-1917":316.356.2

В.А. Веретенко

Сексуальное воспитание юношей в дворянско-интеллигентских семьях России во второй половине XIX – начале XX в.

В течение второй половины XIX – начале XX в. в отношении к половому воспитанию юношей в дворянско-интеллигентной среде сформировалось несколько подходов, которые, с одной стороны, отражали определенную эволюцию отношения к данному вопросу, а с другой – более ранние формы активно продолжали сосуществовать с более поздними.

Традиционной формой полового образования мальчиков в дворянской семье, являвшейся наиболее популярной вплоть до 80–90-х гг. XIX в., был бойкот этой темы в теоретическом плане и согласие на «обучение» юношей «естественным отношениям» с помощью прислуги и проституток, с целью профилактики онанизма, в практическом. Вместе с тем уже с 60-х гг. стал формироваться новый подход, ставший весьма востребованным с 90-х гг. XIX в. Суть его заключалась в признании необходимости полового воздержания до брака и для юношей как единственного средства сохранения их физического здоровья и формирования необходимых для жизни в обществе морально-нравственных качеств.

На рубеже веков все большее число родителей приходило к признанию необходимости половой информированности детей в области сексуальных отношений, но не будучи готовыми сами заняться решением этой задачи, они пытались поручить ее «специалистам», т. е. школе и другим общественным учреждениям. Наконец, в конце исследуемого периода подавляющая масса отечественных педагогов и гигиенистов пришла к выводу (и стала его пропагандировать) о том, что сексуальным воспитанием должна заниматься семья и прежде всего матери. Вместе с тем этот профессиональный подход не находил в реальной жизни особой поддержки. Редкие матери-дворянки, пытавшиеся реализовать данную теорию на практике, почти всегда подвергались осуждению со стороны представителей самых разных социальных групп.

During the second half of XIX – early XX century there were several approaches in relation to the sex education of young men in the nobility and intellectual environment. These approaches, on the one hand, reflected a certain evolution of attitude to this issue, and on the other hand, the earlier forms continued to coexist with the later ones.

The traditional form of sex education of boys in a noble family, the most popular one until the 80s–90s of the XIX century, was, in theoretical terms, the boycott of this subject, and, in practical terms, consent to the “training” of young men to “natural relations” with the help of servants and prostitutes, in order to prevent onanism. However, already since the 1860s a new approach started to develop, it became very popular since the 90s of XIX century. Its essence was about the recognition of the need of sexual abstinence before

marriage for boys, as the only means of maintaining their physical health and formation of moral qualities necessary for life in society.

At the turn of the century an increasing number of parents came to the recognition of the need for sexual awareness in sexual relations among children. But not being prepared themselves to deal with this problem, these parents tried to delegate it to the “experts”, i.e. schools and other public institutions. Finally, at the end of this period, the majority of local educators and hygienists came to the conclusion (and became to propagandize it) that sex education should be given by the family and primarily by mothers. However, this professional approach was not supported in real life. Rare mothers-noblewomen who tried to implement this theory in practice almost always were condemned by representatives of different social groups.

Ключевые слова: пореформенная Россия, дворянско-интеллигентские семьи, юноши, половое воспитание, сексуальные отношения, педагоги, гигиенисты, родители.

Key words: post-reform Russia, aristocratic and intellectual family, young men, sex education, sexual relations, teachers, hygienists, parents.

В традиционной дворянской семье, господствовавшей в России в первой половине XIX в. и предполагавшей крайне редкие и малоэмоциональные отношения между родителями и детьми [1; 2], проблема сексуального воспитания детей в теоретическом плане вообще не ставилась ни воспитателями, ни, тем более, родителями, а в практическом же по-разному решалась в зависимости от пола ребенка.

Теоретические рассуждения о воспитании стремления к «нравственной чистоте помыслов и сдержанности чувственных проявлений» [3, с. 15], очевидно, не только не поощряли преждевременное посвящение молодых людей в половой вопрос, но и требовали оттянуть знакомство с ним до брака (как единственное гарантированное средство сохранения их морально-нравственной чистоты). На практике данное правило неукоснительно соблюдалось исключительно в отношении девушек, целью воспитания которых было поддержание «невинности», суть которой трактовалась как «незнание».

В наиболее четкой и емкой форме, высказанной одной из воспитательниц, в идеальном случае «взрослая девушка, невеста» должна была «производить впечатление такой невинности ... будто она убеждена, что между ней и ее женихом только такая разница, что у него есть растительность на лице, а у нее нет; что он шьет платье у портного, а она – у портнихи...» [4, с. 208].

Вместе с тем отношение к половому взрослению юношей даже в традиционной дворянской семье было несколько сложнее. С одной стороны, никто из воспитателей не собирался давать им на этот счет каких-либо объяснений, с другой – волновала опасность увлечения юношей онанизмом. В дореформенной России данная проблема обычно разрешалась приставлением к молодому человеку крепостной девки (реальное семейное положение в расчет не принималось, учитывались только

«опытность» и здоровье женщины), а так как во многих дворянских усадьбах из «сенных девушек» формировались целые «гаремы», найти подходящую «учительницу» не составляло труда [5; 6].

С отменой крепостного права подобные обязанности нередко стали перекладываться на официально свободную, но на практике во многом столь же бесправную, как и дворня, прислугу. Внимание взрослеющего сына родители, часто матери, специально привлекали к горничной или няни, аргументируя свои действия тем, что «он, по крайней мере, останется при этом, здоров» [7, с. 44]. В большинстве случаев прислуга молча терпела подобные приставания, боясь потерять «хорошее место», а те, кто возражал или кого увольняли в связи с беременностью, оказавшись на улице, вскоре пополняли армию проституток. Недаром бывшая прислуга составляла до половины легальных проституток, а продолжавшие служить – до половины тайных. Главными причинами стали широкой вовлеченности прислуги в проституцию традиционно назывались: недостаточный заработок, *домогательство хозяев* [курсив наш – В.В.] и «одинокость» (под последним понималось как отсутствие социальной помощи, так и социального контроля) [8, с. 33; 9, с. 5].

Крайне редко сознательная или неосознанная сводническая деятельность родителей становилась достоянием публики, а то и фигурировала в материалах уголовного дела. В Минске, например, девушка 15 лет, была изнасилована гимназистом, сыном адвоката, у которого она состояла в услужении [10, с. 12].

Определенное представление о степени распространенности именно такого способа «полового образования» юношей можно получить из материалов «Половой переписи студенчества». В 1904 г. Студенческое медицинское общество Московского университета под руководством М. Членова распространило анкету среди студентов, на которую ответили около половины всех студентов; всего было получено 2150 заполненных анкет [11]. Респондентами были молодые мужчины в возрасте 19–21 г., преимущественно городского происхождения (80 %), из обеспеченных слоев общества (имущественное положение своих семей средним назвали 67 %, ниже среднего – 20 % опрошенных). Начальное образование дома получили 82 %; в гимназиях до университета обучались 96 %. Подавляющее большинство начали свою половую жизнь до университета, причем 69 % опрошенных сделали это между 14–17 годами; 22 % – в 18 лет. Первым партнером у 41 % была проститутка, у 39 % – прислуга, у 10 % – замужняя женщина [11, с. 67; 12, с. 6].

Как видим, помимо прислуги значительную роль в половом «просвещении» молодых представителей привилегированных слоев российского общества играла проституция. Последнее обстоятельство не только не было особой тайной для основной массы родителей, но многие отцы нередко самостоятельно отводили сыновей к проституткам, спасая юношей, таким образом, от кажущейся еще большей опасностью

возможности «заболеть онанизмом» [13, с. 63]. Современники постоянно отмечали «половую распущенность» как одну из отличительных черт городского быта второй половины XIX – начала XX в., указывая, что разврат стал обычным явлением среди мальчиков, о нем «открыто говорят на улицах, в кинематографах и т. д.» [14, с. 98], а связано это преимущественно «с влиянием дурных примеров товарищей, своеобразного молодечества и широко развитой проституции», а также с развлечениями, «недоступными сельской жизни» [15, с. 465].

Характерно, что во многих семьях умудрялись реализовывать оба подхода к «сексуальному образованию» детей разного пола одновременно. Показательно в этом плане воспоминание одной из корреспонденток журнала «Свободное воспитание», которая сама удивлялась как могла до восемнадцати лет (!) сохранить полное неведение в отношении сексуальной стороны взаимоотношений между полами и это при том, что: «живали мы всяко – сначала недурно, а потом и в меблированных комнатах, в которых жили семейные люди, но также и офицеры, водившие к себе проституток. Напротив, брат мой познакомился с грязью очень рано и, кажется, рано стал посещать публичные дома, но на это смотрелось сквозь пальцы, так как его не оберегали как девочку, да и с ним говорили откровеннее, и кроме того, много значит гимназия в этом отношении – один мальчик посвящает другого...» [16, с. 15].

Вместе с тем, даже если убрать за скобки нравственные последствия приучения молодого поколения представителей привилегированных слоев пользоваться услугами проституток и прислуги для удовлетворения своих половых потребностей, серьезные опасения воспитателей вызывала существовавшая для юношей возможность заразиться сифилисом или другими подобными болезнями. А реальность и распространенность такого исхода демонстрируют материалы уже упомянутой нами переписи. Из 2150 опрошенных студентов 543 оказались жертвами венерических заболеваний [11, с. 67]. Приводились и еще более шокирующие цифры, согласно которым переломом страдало до 3/4 студентов [17, с. 23].

Те же из педагогов и общественных деятелей, для которых вопросы морали и нравственности не были пустым звуком, видели в самом факте изменения полового воспитания мальчиков одно из основных средств борьбы с проституцией. Так, например, редактор-издатель журнала «Женский вестник», М.И. Покровская считала, что «забота о правильном воспитании мальчиков в половом отношении, развитие нравственного чувства у детей и юношества, борьба с ранним пробуждением у них полового инстинкта, а также убеждение их в том, что половой инстинкт не должен удовлетворяться беспорядочно, а тем более проституцией», как раз и являются одни из главных способов борьбы с этим социальным злом [18].

В любом случае, всё большее число родителей, по моральным или иным причинам не желавших привлекать к услугам по «воспитанию» своих сыновей прислугу и, тем более, проституток, приходили к выводу о важности «чистоты» до брака и для молодых людей, понимая при этом, что только «проснется в человеке половой инстинкт, как ему уже предлагается городом готовая пища в самых разнообразных и соблазнительных формах» и задаваясь вопросом: «Как вам, сравнительно слабому, одинокому родителю или воспитателю, привязать к себе нравственными узами дорогого вам сына или воспитанника, оттянуть его от целого сонма городских сирен, которые отовсюду манят и зовут его к себе?» [19, с. 31].

При всем этом сохранялся и страх увлечения юношами онанизмом, ради профилактики которого так активно использовалось раннее знакомство молодых людей с «естественным способом» половых взаимоотношений. А масштабы распространения данного «извращения» оценивались современниками как эпидемия. Для подтверждения обычно приводили статистику одного из анонимных опросов начала XX в. Из 24 мальчиков, поступивших в первый класс среднего учебного заведения (возраст 10 лет), 23 признались, что они онанисты. К пятому же классу число их становилось минимальным, так как в этом возрасте – 15–16 лет, юноши начинали вступать в отношения с женщинами [см. подробнее: 20, с. 13].

В поисках разрешения всего комплекса проблем, связанных с физиологическим здоровьем юношей и борьбой с увлечением онанизмом, воспитатели активно обращались к врачам-гигиенистам. Последнее обстоятельство во многом было связано с широким распространением в среде российского дворянства в 80-е гг. XIX в. группы так называемых «новых родителей», которые по разным причинам как материального, так и морально-нравственного характера предпочитали сами заниматься уходом за своими детьми, осуществляя его под контролем врачей и с привлечением специализированной литературы [1; 2]. Сформировалась целая система «рационального» воспитания с упором на «натуралистические тенденции», лелеявшая идею создать «нормального человека». «Веровалось, что если ребенок правильно ест, по книжке пьет, по теории спит, нормально болеет, растёт, из отрока делается юношей и т. д., то с правильным развитием тела будет правильно идти и правильный рост духа» [21]. Понятно, что при таком внимании к физиологической стороне бытия обойти стороной проблему сексуального воспитания было уже невозможно.

В ответ на широкий запрос публики в конце XIX – начале XX в. значительными тиражами выходит литература по «половому вопросу современности» [22; 23; 24]. В качестве основной идеи выдвигалось положение о необходимости для воспитателя сделать все возможное «для предупреждения преждевременного полового развития, для сдер-

живания появляющихся в молодежи половых инстинктов» [25, с. 154]. Широкой известностью пользовались рекомендации Е.Н. Водовозовой, которая утверждала, что дети «гибнут» не от того, что им в детстве не объясняли «эмбриологических» вопросов, а от ненормальных условий общественной жизни, когда разврат становится обычным делом, и от неправильного семейного воспитания, подготовившего почву для преждевременного полового возбуждения и распущенности, когда сами родители являют своим детям дурной пример. Педагог доказывала, что задачей родителей является не половое просвещение детей, а укрепление их тел и душевных способностей, направленных против преждевременного пробуждения полового инстинкта в детях. Делать это рекомендовалось через воспитание воли детей, развитие добрых привычек и чувства долга. Также Е.Н. Водовозова советовала занимать свободное время ребенка какой-нибудь нравственной обязанностью: физическим трудом, домашними быденными обязанностями, помощью нуждающимся ближним, больным, родственникам, наблюдением за миром природы, рукоделием и т. д. [26, с. 139, 152–154, 157, 190, 212–213, 224, 229].

В целом сформированный к концу XIX в. отечественными педагогами и гигиенистами комплекс мер, нацеленных на предупреждение раннего полового влечения юношей, включал как педагогические, воспитательные приемы, так и соблюдение гигиены школьного возраста, распространение физкультуры и правильного питания. В педагогической области предполагалось обратить особое внимание на формирование в детях ответственности, воспитывать в них «с самого раннего возраста сознание своих обязанностей и приучать к исполнению последних», установив «определенный уклад жизни и порядок дня, ... приучать к соблюдению его без всяких отступлений, за исключением редких случаев», наконец, «в основание всего воспитания» необходимо «положить *трудовое начало в самом широком смысле этого слова...*» (выделено в источ. – В.В.) [25, с. 149–154]. Занятия физическим производительным трудом должны были, по мнению многих педагогов и гигиенистов, дать детям здоровье и силу, стать «наилучшим средством» против «угрожающих юношеству в период полового созревания опасностей» [27, с. 13], помогая выкинуть из головы «порочные мысли», появление которых, как и любая подростковая сексуальность среди имущих слоев рассматривалась как патология и приписывалась излишествам и подавленным желанием [28, с. 114; 29, с. 442].

Наиболее подходящей формой физического производительного труда признавались «огородничество и садоводство, так как эти работы требуют обязательного пребывания на чистом воздухе», а в том случае, если это было недоступно, то следовало «прибегнуть к плотничеству, столярному ремеслу и т. д.». Гигиенисты настаивали, что «такие мастерские должны быть обязательны для всех учебных заведений, не ис-

ключая и женских», и «только при полной невозможности устроить упомянутые столярные и слесарные станки, на выручку должны явиться гимнастика и игры...» [30, с. 7].

На практике подобные мастерские существовали либо в наиболее привилегированных учебных заведениях, либо в тех, которые, не давая своим воспитанникам особых прав и преимуществ, специально создавались как поле педагогических экспериментов. В большинстве же средних учебных заведений страны практиковался ручной труд (лепка, вырезание из бумаги и т. д.), как способ своего рода «трудового воспитания» и гимнастика. Впрочем, это редко смущало родителей, которые, как правило, считали вполне достаточным для недопущения «порока», чтобы мальчики были как можно больше заняты и перемежали умственный труд физическими занятиями [31; 32].

Важность соблюдения режима дня, особенно отказ от «валяния» в кровати, объяснялись не только педагогическими мотивами формирования у ребенка организованности и умения обуздать свои желания, но и чисто практической стороной борьбы с онанизмом. Многие авторы, говоря «о половом пороке», полагали, что «мальчики часто наталкиваются на него совершенно самостоятельно, т. е. без всякого постороннего вмешательства» [33, с. 14]. А провоцирует их к нему бесцельное лежание в кровати. Поэтому родители должны были «строго следить, чтобы ребенок, проснувшись, тот час же одевался», а не привыкал «к дурной привычке – онанизму, оставаясь в теплой постели» [34, с. 44]. Да и сам рекомендуемый режим дня с подъемом в 6–7 ч и отбоем в 10 ч при интенсивной нагрузке должен был обеспечить крепкий сон и способствовать тому, что «юноша совершенно забудет о половой функции» [33, с. 107]. Ведь «человек, утомленный физическим или умственным трудом, далеко не так легко поддается раздражениям и возбуждениям» [33, с. 107].

Что касается питания, то подростков предлагали кормить преимущественно растительной пищей, с добавлением разнообразных молочных продуктов. Мясо следовало ограничить, а для уже «больных онанизмом» полностью исключить. Всем юношам запрещалось употреблять спиртные напитки и курить [33, с. 43–57].

Исполнение всех этих рекомендаций должно было отвлечь молодых людей от интереса к сексуальной стороне жизни, а следовательно, и не предполагало каких-либо объяснений со стороны родителей, кроме традиционных морально-нравственных сентенций о важности соблюдения «чистоты и целомудрия» до брака.

Развернувшаяся в конце XIX – начале XX в. общественная дискуссия о проблемах полового воспитания шла параллельно с ростом интереса в обществе к «женскому вопросу», одной из сторон которого было определение задач женского образования и выяснение допустимости совместного обучения полов в школах разного уровня [см. 35]. Харак-

терно, что какая бы позиция по проблемам женского и совместного образования ни высказывалась тем или иным автором, в качестве одного из аргументов обязательно приводилась мысль о необходимости «нормализации» отношений между мужчинами и женщинами, о важности решения «полового вопроса современности». Так, например, противники идеи совместного образования обязательно указывали на то, что сам характер обучения будет еще более способствовать распространению «разврата» в молодежной, и тем более, подростковой среде. Их оппоненты же оценивали подобные аргументы как «дань тому же предрасудку, который заставляет взрослых выдумывать басню об аисте, приносящем новорожденных» и видели истинную причину обособления полов в системе образования – в «пресловутом» охранении «невинности», отождествляемым с «неведением» [36, с. 156]. Полемизируя с подобными оценками, сторонники идеи со-обучения утверждали, что в «отдельных школах заметно гораздо более сильное напряжение половой жизни; при совместных школах это напряжение замещается равнодушием» [37, с. 140]. В развитие данной темы отдельные педагоги указывали на связь раздельного образования с появлением, особенно в закрытых учебных заведениях, гомосексуальных и гомоэротических проявлений. Интересно, что такая опасность связывалась именно с мужскими учебными заведениями, в которых рекомендовалось «обратить особое внимание на замеченную в "переходном возрасте" у наиболее чувственных юношей склонность к преследованию наиболее красивых товарищей (дают им прозвища "мазочек", "помпонов", "институток", сажаят их на колени, целуют)» [38, с. 34]. В то же время широко распространенное в женской школе явление «обожания» рассматривалось как исключительно целомудренное «предчувствие любви» и не вызывало особых опасений [см. подр.: 39, с. 142–151].

На фоне роста обсуждения тандема «полового» и «женского вопросов», о чем писало практически любое общеполитическое и тем более педагогическое издание, увеличивалась группа интеллигентных родителей, признававших, что одной гигиеной и трудовым воспитанием нельзя противостоять окружающему «разврату». Поэтому, по их мнению, необходимо было давать подросткам, прежде всего мальчикам, определенную информацию о сексуальной стороне жизни людей, по крайней мере в старших классах школы. Ведь даже если дети не живут в крупных городах, или смогут, «ничего не поняв», пройти мимо проститутки или публичного дома, крайне сложно купировать влияние «друзей-развивателей», ведь «... более осведомленные дети, сплошь и рядом, так или иначе уже узревшие разврат, являются авторитетами и настоящими учителями в сфере знаний, на которые родителями и воспитателями так необдуманно наложен запрет» [40, с. 14]. Да и интерес к выставленным на видных местах в аптеках и магазинах контрацептивам, и тем более, продававшимся даже в отделах детских товаров разного

рода «игрушкам для взрослых» [41, с. 184], а особенно, к «порнографической литературе»¹, которая, как нередко отмечалось, «становится теперь легко доступной каждому и слишком часто попадает в руки школьников», должен был быть тем большим, чем меньше дети «имели возможности получить правильные сведения по половому вопросу и чем меньше они умеют критически отнестись к книгам» [16, с. 12].

В результате количество родителей, сознававших важность полового просвещения, увеличилось, но основанная масса их не была готова сама пойти на столь ответственный шаг, предпочитая препоручить дело «специалистам». Как справедливо отмечали современники, указывавшие на взаимосвязь подъема накала дискуссии с ростом «теоретического», но не практического «полового просвещения», «появилось много статей, посвященных этому вопросу, и достаточно есть уже педагогов и родителей, решивших положительно вопрос о том, что пора оставить умалчивания, но и между ними немало таких, которые, несмотря на свое согласие в принципе с этим вопросом, не решают провести то, что ими решено в теории, и, в лучшем случае они, побеседовав с детьми иной раз о размножении растений и животных, останавливаются как раз там, где бы следовало без страха идти дальше» [16, с. 12].

Таким образом, родители-теоретики стремились получить от учебных и общественных учреждений то, что не могли сделать сами. В этой связи росла востребованность в школьном преподавании гигиены, а в рамках естественно-научных дисциплин – научного знания о происхождении жизни, и в ориентированной на молодежную аудиторию литературе по сексуальному просвещению. Наконец, для части родителей отправка детей в совместные учебные заведения была своего рода способом переложить их половое воспитание на плечи педагогов.

К началу XX в. преподавание гигиены в старших классах мужской, а затем и женской школы, перестало быть явлением исключительным, характерным только для элитных и экспериментальных учебных заведений. Даже там, где данный предмет не предусматривался учебной программой, отдельные учителя вводили его в качестве факультатива, очень нужного и важного, с их точки зрения, для охраны здоровья нынешних подростков и помощи им в будущей семейной жизни. Но возмо-

¹ Под термином «порнографическая литература» имелась в виду не только собственно таковая, но и художественная литература, в сюжетах которой значительное место занимали вопросы эротики и телесности (Л.Н. Толстой «Крейцерова соната» (1890), Л. Андреев «В тумане» (1902), М. Арцыбашев «Санин» (1907), А. Куприн «Яма» (1908 и др.). Борцы с развратом утверждали, что «вся современная литература почти сплошь есть проявление полового акта». В этот же разряд включалась реклама интим-услуг, контрацептивов и средств против импотенции. Объявления, рекламирующие подобные услуги и предметы, повсеместно встречались как в столичной, так и в провинциальной прессе. Одна мать утверждала, что видела рекламу средств от «бессилия» в изданиях для юношества (!) [См.: 39, с. 162–163, 190–193; 16, с. 14; 42, с. 319, 441–457, 552].

жен был (а если верить педагогическим журналам и сетованиям родителей, встречался значительно чаще) и прямо противоположный вариант преподавания, когда на уроках анатомии умудрялись проходить «человека – не женщину, не мужчину, а какое-то бесполое существо». В результате, как отмечала одна из успешно прослушавших подобный гимназический курс, «понятия о значении половых отправления у нас не было настолько, что одна моя соученица в последнем классе думала, что дети при рождении выходят из пупка матери» [16, с. 14].

Критика «сухости», отсутствия «практических знаний» в преподавании гигиены и одновременно необязательности данного предмета во многих учебных заведениях стимулировала педагогов к различного рода предложениям по «оживлению» обучения этой дисциплине. Так, на съезде по борьбе с проституцией единогласно была принята следующая резолюция: «Съезд считает своим долгом обратить внимание министерства народного просвещения и других министерств, имеющих в своем ведении средние учебные заведения, что разумное и осторожное ознакомление старших воспитанников средних учебных заведений с основами половой жизни и с венерическими заболеваниями настоятельно вызывается жизнью и является насущно необходимым, при чем ознакомление это можно было бы производить или вводя вопросы эти в курс школьной гигиены, или путем прочтения специалистами нескольких лекций, а также при помощи специально составленного для этой цели краткого популярного руководства» [17, с. 17].

Чтобы приготовить из молодых людей будущих «новых родителей», предполагалось дополнить гигиену и анатомию изучением «гигиены детей». Новый курс, своего рода «школа родителей и воспитателей», должен был ставить своей задачей «*изучение ребенка* по возрастам, изучение не только его *тела*, начиная с момента рождения, но также и его *души*, т. е. развитие чувств, мышления и воли» (выделено в источнике – В.В.). Характерно, что подобную дисциплину предполагали преподавать совместно мальчикам и девочкам, воспитывая из них будущих отцов и матерей [43].

В первое десятилетие XX в. разговоры о роли совместной средней школы в половом воспитании учащихся перешли из теоретического в практическое русло. В стране действовало уже несколько десятков учебных заведений подобного типа [44]. Позитивный опыт всячески подчеркивался и рекламировался в педагогической прессе. Типичными в этом плане являются воспоминания М.А. Быковой, одной из первых еще в 1870-е гг. открывшей совместную школу, где учились преимущественно дети российских оппозиционеров. Оценивая результаты со-обучения для мальчиков, педагог писала: «Впоследствии, когда мои ученики были взяты родителями, после закрытия школы, и их поместили в учебные заведения, они писали мне, как их поразила разнузданность товарищей в половом отношении, какое отвращение вселяли в них грязные шутки и

остроты. На всю жизнь они сохранили заветы школы и вынесли оттуда отношение к девушке как к человеку» [45, с. 74].

С другой стороны, противоположный, неудачный опыт педагоги стремились максимально затушевать, а если удавалось, и скрыть, как опасный прецедент, могущий негативно отразиться на жизнеспособности новой совместной школы. Подобная история произошла с гимназией Е.А. Кирпичниковой. Это учебное заведение вело свое начало с 1894 г., когда в Москве была открыта приготовительная школа для детей обоего пола. В 1904 г. при учебном заведении появилась мужская гимназия, а с 1905 г. с согласия родителей (но не официальных властей) эта школа была преобразована в совместную. Наконец, в 1908 г. учебное заведение получило и официальный статус, став первоначально «частной прогимназией», а затем и гимназией «для лиц обоего пола с правами для учащихся» [46. Л. 8–9]. Интересующий нас эпизод произошел в данном учебном заведении в декабре 1911 г. и стал известен только после обращения матери пострадавшей девочки – Александры Николаевны Терентьевой, медички VI курса Высших женских курсов, – в прессу. Вот как она описывала подробности данного инцидента: «5 декабря 1911 около восьми вечера ко мне на квартиру была доставлена в целях изоляции по поводу кори моя дочь семи с половиной лет из пансиона госпожи Е.А.К. Дочь моя была платной воспитанницей пансиона госпожи Е.А.К. и училась в Лосиноостровском среднем учебном заведении для детей обоего пола, состоя ученицей младшего приготовительного класса. На белье были обнаружены засохшие пятна крови; мной и медичкой VI курса Л.Н. Яковлевой было установлено растление. Виновным оказался воспитанник пансиона госпожи К. ученик VI класса ее гимназии в Москве для детей обоего пола, оставленный в пансионе госпожи К. в ее кабинете вместе с моей дочкой без надзора. На мое сообщение на следующей день о данном факте госпоже К. она сказала, что ранее мальчик был замечен в порнографии, произнесении грязных слов. Он сын очень богатых родителей, сказать в чем дело отцу она не может; подумает как быть и посоветуется со своим братом Ю.А.К., преподавателем естественной истории и классным наставником VI класса ее гимназии» [47, с. 10].

Далее автор письма сообщала, что Кирпичникова даже не интересовалась состоянием здоровья девочки, а 8 декабря у них состоялся разговор, в ходе которого Кирпичникова заявила, что ничего особенного в этом факте не видит. 12 декабря по требованию Терентьевой Кирпичникова прибыла в Гинекологический институт, матери ребенка «было выдано официальное свидетельство с печатью института, в котором был зафиксирован разрыв hymen». Терентьева потребовала удалить мальчика из гимназии, но Кирпичникова сказала, что сделает это только после того, как мать девочки даст гарантии не предавать дело огласке. Только после обращения к попечителю 13 декабря ученик был удален

школьной комиссией из гимназии. Затем родители девочки заявили на родительском собрании, что обвиняют Кирпичникову «не за сам факт, а за последующее отношение». В заключение мать писала: «К судебному процессу против мальчика прибегать не хочу. Пусть судит общество виноват ли 16-летний мальчик, которого Е.А.К 6 лет воспитывала в своем пансионе? Я вполне разрешаю принцип совместного обучения и воспитания. Я думаю, что этот принцип должен и может проводиться в жизнь, но только с большой осторожностью, с большим умением, людьми нравственно чистыми и не ценой искалеченных детских жизней» [47, с. 21].

После огласки скрыть инцидент было уже невозможно, и в школе была проведена проверка, которая выяснила, что действительно «мальчик (16 лет) дал волю рукам, в результате чего у девочки (7 лет) произошло механическое повреждение девственной плевы» [48]. Сохранить учебное заведение удалось только путем смены учредителя и обязательства принимать в первый класс либо только девочек, либо только мальчиков, так чтобы постепенно учебное заведение стало «однополым» [49. Л. 2–6].

Таким образом, данный случай, активно обсуждавшийся в печати, продемонстрировал родителям и воспитателям, что сам факт обучения мальчика в совместной школе еще не может гарантировать его правильное половое воспитание, и этим вопросом все-таки необходимо специально заниматься.

Начало XX в. ознаменовалось также изданием и переизданием значительного числа отечественной и переводной литературы, содержащей ответы на основные вопросы в области полового воспитания в доступной форме. Как правило, данные книги предназначались для родителей и воспитателей, которые должны были использовать их при организации бесед с детьми и подростками [см. напр.: 50–53]. Но в большинстве случаев, родители не решались вести разговоры сами и ограничивались выдачей детям подобных книг для самостоятельного ознакомления. Среди «специалистов» были и те, кто поддерживал родителей в выборе именно такого подхода. Так, в одном серьезном много-томном коллективном переводном труде о половом вопросе, вышедшем в 1911 г., указывалось, что «обсуждение грубо-чувственных половых отношений неуместно между родителями и детьми», так как это может привести к падению авторитета родителей [54, с. 608–609]. Иное дело, если обсуждением данных тем на серьезном уровне будет заниматься школа, которая, «давая каждому ученику определенный объем знаний по вопросу происхождения человека, зарождения жизни, способствует привнесению научных начал в половое воспитание, помогает ребенку выработать нормальное отношение к взаимоотношению полов» [3, с. 17].

Вместе с тем росло число отечественных врачей и педагогов, которые все-таки склонялись к мысли о том, что семья должна кардинально

изменить свое отношение к важнейшим вопросам в жизни своих детей [55], и главная роль в начальном половом воспитании должна принадлежать родителям, особенно матери. Место матери мог занять учитель, но лишь в том случае, если он пользовался у детей такой же любовью, как и родители. Беседы на тему половой жизни педагоги советовали начинать лучше раньше, чем позднее [56]. При этом содержание таких бесед рекомендовалось приравнивать к уровню развития ребенка, чтобы оно не способствовало пробуждению нездорового интереса к проблеме, обязательно сопровождая новую информацию моральными советами [57], а сами беседы должны были носить интимный характер и щадить стыдливость ребенка [3, с. 17–18].

Однако эти теоретические разработки находили очень мало практического применения. Лишь редкие матери-дворянки стремились использовать подобные идеи в жизни (и то, как правило, с определенной коррекцией), подвергаясь за это осуждению со стороны представителей самых разных социальных групп. Свой опыт такие матери пытались популяризировать, публикуя своеобразные родительские дневники полового воспитания собственных детей. В большинстве случаев речь шла о следующих этапах домашнего полового воспитания. Прежде всего, детей приучали не стесняться своего тела, легко и не конфузясь обнажаться перед представителями противоположного пола, причем не только родителями и родными братьями и сестрами, но и другими, более отдаленными родственниками, медиками и вообще во всех случаях, когда это необходимо. С другой стороны, их приучали и к чужой наготы, которая, будучи обыденной, должна была перестать вызывать интерес. Вот, например, как описывала свои практики одна из матерей – сторонниц полового воспитания в семье: «Я ... беру с собой своего мальчика в ванну и купальню, и он меня часто видел раздетой» [16, с. 18].

Наряду с воспитанием спокойного отношения к наготы как своей, так и чужой, матери, решавшиеся сами осведомить своих детей в половом вопросе, начинали готовить своего ребенка к усвоению данной темы постепенно лет с пяти. Делали они это либо отвечая на конкретные вопросы ребенка, увидевшего что-то в окружающем его мире (окотившуюся кошку, быка в стаде коров и т. д.), либо же целенаправленно, но «когда это бывало кстати», указывая, где он находился до своего рождения [58, с. 107–108].

Подобные практики встречали в целом непонимание и неодобрение со стороны самого разного окружения «новых матерей». Вот, например, что приходилось слышать одной из них: «"Господи, барыня, что это вы детям говорите!"», – ужасалась одна добродушная няня, а ее ужас мог внушить детям, что они говорят действительно о чем-то запретном. В другой раз слуги забавлялись, спрашивая моего мальчика: "А ну-ка, Алешенька, покажи, откуда дети рождаются!" А знакомая моя, услышав из уст моего ребенка подобный вопрос, подняла крик ужаса, и когда я

прибежала на шум, она вскричала: "Послушай, он у тебя Бог знает что говорит!" И я, чтобы не дать испуганному ребенку подумать, что он действительно совершил преступление, должна была серьезно и резко ответить, что объяснение дала я сама» [16, с. 21].

Пропагандируя свой опыт, такие матери надеялись постепенно изменить ситуацию, будучи убежденными, что именно осуществляемое ими семейное половое воспитание может стать главным средством для сохранения целомудрия мальчиков на фоне разврата, так как половой вопрос, «если не избегать объяснений, интересует детей до наступления половой зрелости не больше других явлений, а при своевременном знакомстве с ним он теряет жгучий интерес запретного» [16, с. 22].

Таким образом, в течение второй половины XIX – начала XX в. в отношении к половому воспитанию юношей в дворянско-интеллигентной среде сформировалось несколько подходов, которые, с одной стороны, отражали определенную эволюцию отношения к данному вопросу, а с другой – более ранние формы активно продолжали сосуществовать с более поздними.

Традиционной формой полового образования мальчиков в дворянской семье, являвшейся наиболее популярной вплоть до 80–90-х гг. XIX в., был бойкот этой темы в теоретическом плане и согласие на их «обучение естественным отношениям» с помощью прислуги и проституток, с целью профилактики онанизма, в практическом. В отношении же девочек задачей воспитания являлась сохранение максимально долго их «невинности», что предполагало полное «незнание». Вместе с тем уже с 1860-х гг. стал формироваться новый подход, ставший весьма востребованным с 90-х гг. XIX в. Суть его заключалась в признании необходимости полового воздержания до брака и для юношей, как единственного средства сохранения их физического здоровья и формирования необходимых для жизни в обществе морально-нравственных качеств. Отсюда предлагалось решить проблему полового воспитания мальчиков через физический производительный труд, формирование воли и ответственности, спорт, гигиену, правильное питание и т. д.

На рубеже веков все большее число родителей приходило к признанию необходимости половой информированности детей в области сексуальных отношений, но, не будучи готовыми сами заняться решением этой задачи, они пытались перепоручить ее «специалистам», т. е. школе и другим общественным учреждениям. Половое воспитание предполагалось осуществлять при помощи преподавания гигиены в школе, издания специализированной подростковой литературы, введения принципа совместного обучения в школе и пр. Наконец, в конце исследуемого периода подавляющая масса отечественных педагогов и гигиенистов пришла к выводу (и стала его пропагандировать) о том, что сексуальным воспитанием должна заниматься семья и прежде всего матери. Вместе с тем этот профессиональный подход не находил в реаль-

ной жизни особой поддержки. Те редкие матери-дворянки, которые пытались реализовать данную теорию на практике, почти всегда подвергались осуждению со стороны представителей самых разных социальных групп.

Список литературы

1. Веремченко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.). – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Европейский дом, 2009. – 684 с.
2. Веремченко В.А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX – начало XX в.): моногр. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. – 204 с.
3. Мижева С.Р. Проблемы полового воспитания в отечественной школе и педагогике конца XIX – начала XX веков: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Пятигорск, 2011. – 23 с.
4. Авилова Е. В избранном обществе // Вестн. Европы. – 1904. – № 1.
5. Веремченко В.А. Дворян в деревенском социуме России (первая половина XIX века) // Российская деревня в XVIII–XXI века: социокультурное измерение: сб. ст. IX Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Г.Е. Корнилов, В.А. Лабузов. – Оренбург: ОГПУ, 2014. – С. 56–59.
6. Веремченко В.А. На острие домашнего пространства: хозяева и прислуга в дворянских семьях России (XIX – начало XX в.) // Российская история XIX–XX веков: Государство и общество. События и люди: сб. ст. – СПб.: Лики России, 2013. – С. 58–77.
7. Флеров Н.А. Белые рабы в России. – М.: Заря будущего, 1907. – 56 с.
8. Статистика Российской империи. XIII. Проституция по обследованию на 1 августа 1889 г. / под ред. А. Дубровского. – СПб.: М-во внутр. дел, 1890. – XXXVI, 39 с.
9. Ельцина З.Я. О заболеваемости венерическими болезнями между проститутками на Нижегородской ярмарке в 1886 г. // Протоколы Российского сифилитического общества. – Т. 2. – СПб., 1888.
10. Броннер В.М., Елистратов А.И. Проституция в России. Проституция в России до 1917 года. Борьба с проституцией в РСФСР. – М.: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1927. – 108 с.
11. Членов М.А. Половая перепись московского студенчества // Русский врач. – 1907. – № 31.
12. Ильинский В. Переутомление и сексуальный вопрос в школе. – СПб.: Тип. Монтвида, 1908. – 23 с.
13. Сообщение // Женский вестн. – 1913. – № 2.
14. Женщина. Чего хотят женщины // Женский вестн. – 1912. – № 4.
15. Кони А. Ф. Самоубийство в законе и жизни // Собр. соч.: в 8 т. – М.: Юрид. лит., 1976. – Т. 4. – 610 с.
16. Н-н О.Л. Из опыта одной матери (К вопросу о половом воспитании детей) // Свободное воспитание. – 1908–1909. – № 2.
17. Либерман Б.Н. Что необходимо знать родителям учащихся. – Новгород: Газ. «Старорусс. жизнь», 1911. – 31 с.
18. Покровская М.И. О проституции малолетних (продолжение) // Женский вестн. – 1912. – № 10. – С. 194–197.
19. Накашидзе И. Борьба с низшими инстинктами человека (К вопросу о половом самовоспитании) // Свободное воспитание. – 1908–1909. – № 4.
20. Турутина Е.С. Социокультурный и образовательный контекст возникновения вопроса полового воспитания детей в дискурсе русской педагогики // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. – 2010. – № 10. – С. 10–14.

21. Амфитеатров Ал. Наши дети // *Семья: еженедельный ил. журн.* – 1892. – 6 дек. – № 4. – С. 2.
22. Вирениус А.С. Причины половых аномалий в детском возрасте и меры к предупреждению их и устранению в семье и школе. – СПб.: Рус. шк., 1892. – 13 с.
23. Либерман Б.Н. Что необходимо знать родителям учащихся по вопросу о половом воспитании. – Новгород: Газ. «Старорусс. жизнь», 1912. – 35 с.
24. Форель А. Половой вопрос: Естеств.-ист. психол., гигиен. и социал. этюд, предназначенный для образов. читателей. – СПб.: EOS, 1906. – 644 с.
25. Обухов А. Как мы портим наших детей (К съезду по семейному воспитанию) // *Рус. мысль.* – 1912. – Кн. 12. – С. 147–155.
26. Водовозова Е.Н. Умственное и нравственное воспитание детей от первого проявления сознания до школьного возраста. Кн. для воспитателей. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1891. – VIII. – 364 с.
27. Вентцель К. Как бороться с проступками и недостатками детей // *Свободное воспитание.* – 1907–1908. – № 4.
28. Зоргенфрей Г. К вопросу о совместном обучении обоих полов // *Рус. шк.* – 1904. – № 9.
29. Зоргенфрей Г. Вопросы современной школы // *Пед. сборник.* – 1907. – № 11.
30. Д-р А.М. Гигиена школьного возраста // *Семья: еженедельный илл. журн.* – 1892. – 15 ноябр. – № 1.
31. Верременко В.А. Трудовое воспитание в дворянско-интеллигентских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // *Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: сб. материалов междунар. науч. конф. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова, отв. ред. В.А. Верременко.* – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. – С. 361–370.
32. Верременко В.А. Подготовка дворянок к хозяйственной деятельности в семье в России второй половины XIX – начала XX в. // *Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина.* – 2014. – № 4. – С. 62–75.
33. Золотарев А.А. Опасный враг юности. Половой порок (онанизм). Причины и последствия его. Борьба с ним. – М.: Тип.-лит. И.Н. Кушнерев, 1906. – 112 с.
34. Дернова-Ярмоленко А. Азбука матери // *Свободное воспитание.* – 1909–1910. – № 3.
35. Верременко В.А. Женщины в русских университетах (вторая половина XIX – начало XX в.). – СПб.: ВАШ, 2004. – 150 с.
36. Лебединцев К. Наша молодежь и вопросы половой этики // *Вестн. воспитания.* – 1907. – № 8.
37. Рубинов И. О совместном обучении в Америке // *Вестн. воспитания.* – 1900. – № 6.
38. Симонов И.С. Школа и половой вопрос: [Из дневника б. офицера-воспитателя]. – СПб.: В. Березовский, 1909. – 67 с.
39. Мицюк Н.А. Рождение матери: субкультура материнства в высших слоях общества индустриальной России. – Смоленск: Изд-во Смоленск. гор. тип., 2015. – 384 с.
40. Сидорович К. Дети и половой вопрос. – СПб.: Свет и разум, 1909. – 227 с.
41. Дрентельн Е.С. Этюды о природе женщины и мужчины. – М.-Харьков: Брейтгам, 1908. – XVI, 285 с.
42. Труды Первого всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами, происходившего в С.-Петербурге с 21 по 25 апр. 1910 г. Т. 1–2. – СПб., 1911–1912. – Т. 2. – 624 с.
43. Дернова-Яковенко А. К вопросу о «школе родителей и воспитателей» // *Свободное воспитание.* – 1908–1909. – № 11. – С. 17–23.

44. Верременко В.А. Идея совместного обучения и ее реализация в средней школе России в начале XX века // *Духовная жизнь региональных сообществ: история, культура, повседневность: сб. докладов межд. науч. конф.* – Казань: Изд-во Казанск. гос. архитектур.-стр. ун-та, 2014. – С. 251–254.
45. Дурылина С. История одной свободной школы. Педагогическая деятельность М.А. Быковой (1841–1907 гг.) // *Свободное воспитание.* – 1907–1908. – № 1. – С. 68–75.
46. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 196. Д. 234.
47. Терентьева А.Н. Открытое письмо к обществу. Письмо матери. – М.: Тип. В. Карякина, 1912. – 22 с.
48. Школа и жизнь. – 1912. – № 22.
49. РГИА. Ф. 733. Оп. 168. Д. 239.
50. Для наших сыновей, когда им будет 18 лет. – М.: Л.А. Золотарев, 1904. – 44 с.
51. Одна из обязанностей матери. Пособие по сексуальному воспитанию детей. – СПб.: Тип. П.П. Рябушинского, 1907. – 40 с.
52. Синицкий Л.Д. Психология юношеского возраста / Л.Д. Седов [псевд.]. – М.: Тип.-лит. В. Рихтер, 1897. – 67 с.
53. Родительская забота. – Вып. 1–3. – М., 1897–1902.
54. Мужчина и женщина. Их взаимные отношения и положение, занимаемое ими в соврем. культур. жизни. Коллектив. труд, в котором приняли участие: проф. Т. Ахелис, В. Бельше, И. Блох, Боринский, Лили Браун, Ю. Вейс, В. Габерляндт, Т. Геллер, И. Коллер, Р. Коссман, Альб. Молль, Фр. Цанн, Э. Цуккеркандль и др. / авториз. пер. с нем. под ред. и с доп.: проф. А.С. Догеля, Д.С. Клеменца, женщины-врача А.Н. Шабановой и М.А. Энгельгардта. – Т. 1–3. – СПб.: Книгоизд. товарищество «Просвещение», 1911. – Т. 2. – 760 с.
55. Покровская М.И. О внеклассном надзоре за учащимися // *Женский вестн.* – 1912. – № 1. – С. 18–20.
56. Грицай Л.А. Нравственные аспекты проблемы полового воспитания детей в семье в педагогическом наследии Н.Е. Румянцева и его современников // *Вестн. Томск. гос. ун-та.* – 2013. – № 374. – С. 156–159.
57. Лозинский Е. Новые проблемы воспитания: в 2 ч. – СПб., 1912. Т. 1. – 287 с.
58. Е.П. К вопросу о половом воспитании // *Свободное воспитание.* – 1907–1908. – № 12.

References

1. *Veremenko V.A. Dvoryanskaya sem'ya i gosudarstvennaya politika Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Noble family and the state policy of Russia (second half XIX – beginning of XX centuries)].* Izd. 2-e, ispr. i dopoln. – SPb.: Evropejskij dom, 2009. – 684 s.
2. *Veremenko V.A. Deti v dvoryanskikh sem'yah Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.): monogr. [Children in noble families of Russia (second half of XIX – beginning of XX century): monograph]* – SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2015. – 204 s.
3. *Mizheva S.R. Problemy polovogo vospitaniya v otechestvennoj shkole i pedagogike konca XIX – nachala XX vekov. Avtoref. dis ... kand. ped. nauk. [Problem of sex education in the Russian pedagogics and school of the late XIX – early XX centuries. Author. dis.... candidate. ped. sciences]* – Pyatigorsk, 2011. – 23 s.
4. *Avilova E. V izbrannom obshchestve [In the chosen society]* // *Vestnik Evropy.* 1904. № 1.

5. *Veremenko V.A.* Dvornya v derevenskom sociume Rossii (pervaya polovina XIX veka) // Rossijskaya derevnya v XVIII–XXI veka: sociokul'turnoe izmerenie: sb. statej IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / nauch. red. G.E. Kornilov, V.A. Labuzov. – Orenburg: OGPU, 2014. – S. 56–59.
6. *Veremenko V.A.* Na ostrie domashnego prostranstva: hozyaeva i prisluga v dvoryanskijh sem'yah Rossii (XIX – nachalo XX v.) // Rossijskaya istoriya XIX–XX vekov: Gosudarstvo i obshchestvo. Sobytiya i lyudi. Sb. statej. – SPb.: Liki Rossii, 2013. – S. 58–77.
7. *Flerov N.A.* Belye raby v Rossii. – M.: «Zarya budushchego», 1907. – 56 s.
8. Statistika Rossijskoj imperii. XIII. Prostituciya po obsledovaniju na 1 avgusta 1889 g. Pod red. A. Dubrovskogo. – SPb.: Min-vo vnutr. del, 1890. – XXXVI, 39 s.
9. *El'cina Z. YA.* O zabolevaemosti venericheskimi boleznyami mezhdru prostitutkami na Nizhegorodskoj yarmarke v 1886 g. // Protokoly Rossijskogo sifiliticheskogo obshchestva. – T. 2. – SPb., 1888.
10. *Bronner V.M., Elistratov A.I.* Prostituciya v Rossii. Prostituciya v Rossii do 1917 goda. Bor'ba s prostituciej v RSFSR. – M.: izdat. Narkomzdrava RSFSR, 1927. – 108 s.
11. *CHlenov M.A.* Polovaya perepis' moskovskogo studenchestva // Russkij vrach. 1907. № 31.
12. *Il'inskij V.* Pereutomlenie i seksual'nyj vopros v shkole. SPb.: tip. Montvida, 1908. – 23 s.
13. *Soobshchenie* // ZHenskij vestnik. – 1913. – № 2.
14. *ZHenshchina.* CHego hotyat zhenshchiny // ZHenskij vestnik. – 1912. – № 4.
15. *Koni A.F.* Samoubijstvo v zakone i zhizni // Sobranie sochinenij v 8 t. T. 4. M.: YUridicheskaya literatura, 1976. – 610 s.
16. *N-n O.L.* Iz opyta odnoj materi (K voprosu o polovom vospitanii detej) // Svobodnoe vospitanie. – 1908–1909. – № 2.
17. *Liberman B.N.* CHto neobhodimo znat' roditelyam uchashchihsya. Novgorod: Gaz. «Staroruss. zhizn'», 1911. – 31 s.
18. *Pokrovskaya M.I.* O prostitucii maloletnih (prodolzhenie) // ZHenskij vestnik. – 1912. – № 10. – S. 194–197.
19. *Nakashidze I.* Bor'ba s nizshimi instinktami cheloveka (K voprosu o polovom samovospitanii) // Svobodnoe vospitanie. – 1908–1909. – № 4.
20. *Turutina E.S.* Sociokul'turnyj i obrazovatel'nyj kontekst vznikoveniya voprosa polovogo vospitaniya detej v diskurse ruskoj pedagogiki // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2010. – № 10. – S. 10–14.
21. *Amfiteatrov Al.* Nashi deti // Sem'ya. Ezhenedel'nyj illyustrirovannyj zhurnal. – 1892. – 6 dekabrya. – № 4. – S. 2.
22. *Virenius A.S.* Prichiny polovyh anomalij v detskom vozraste i mery k preduprezhdeniju ih i ustraneniu v sem'e i shkole. – SPb.: «Russkaya shkola», 1892. – 13 s.
23. *Liberman B.N.* CHto neobhodimo znat' roditelyam uchashchihsya po voprosu o polovom vospitanii. – Novgorod: Gaz. «Staroruss. zhizn'», 1912. – 35 s.
24. *Forel' A.* Polovoj vopros: Estestv.-ist. psihol., higien. i social. ehtyud, prednaznachayushchijsya dlya obrazov. chitatelej. – SPb.: EOS, 1906. – 644 s.
25. *Obuhov A.* Kak my portim nashih detej (K s'ezdu po semejnemu vospitaniju) // Russkaya mys'. – 1912. – Kn. 12. – S. 147–155.
26. *Vodovozova E.N.* Umstvennoe i npravstvennoe vospitanie detej ot pervogo proyavleniya soznaniya do shkol'nogo vozrasta. Kn. dlya vospitatelej. – SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1891. – VIII, 364 s.

27. *Ventcel' K.* Kak borot'sya s prostupkami i nedostatkami detej // Svobodnoe vospitanie. – 1907–1908. – № 4.
28. *Zorgenfrej G.* K voprosu o sovместnom obuchenii oboih polov // Russkaya shkola. – 1904. – № 9.
29. *Zorgenfrej G.* Voprosy sovremennoj shkoly // Pedagogicheskij sbornik. – 1907. – № 11.
30. *D-r A.M.* Gigiena shkol'nogo vozrasta // Sem'ya. Ezhenedel'nyj illyustrirovannyj zhurnal. – 1892. – 15 noyabrya. – № 1.
31. *Veremenko V.A.* Trudovoe vospitanie v dvoryansko-intelligentskih sem'yah Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. // Material'nyj faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'. Sb. materialov mezhdunar. nauch. konf. / pod obshch. red. prof. V.N. Skvorcova, otv. red. V.A. Veremenko. – SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2016. – S. 361–370.
32. *Veremenko V.A.* Podgotovka dvoryanok k hozyajstvennoj deyatel'nosti v sem'e v Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv. // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. – 2014. – № 4. – S. 62–75.
33. *Zolotarev A.A.* Opasnyj vrag yunosti. Polovoj porok (onанизm). Prichiny i posledstviya ego. Bor'ba s nim. – M.: tip.-lit. I.N. Kushnerev, 1906. – 112 s.
34. *Dernova-YArmolenko A.* Azbuka materi // Svobodnoe vospitanie. – 1909–1910. – № 3.
35. *Veremenko V.A.* Zhenshchiny v russkih universitetah (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.). – SPb.: VASH, 2004. – 150 s.
36. *Lebedincev K.* Nasha molodezh' i voprosy polovoj ehtiki // Vestnik vospitaniya. – 1907. – № 8.
37. *Rubinov I.* O sovместnom obuchenii v Amerike // Vestnik vospitaniya. – 1900. – № 6.
38. *Simonov I.S.* Shkola i polovoj vopros: [Iz dnevnika b. oficera-vospitatelya]. – SPb.: V. Berezovskij, 1909. – 67 s.
39. *Micyuk N.A.* Rozhdenie materi: subkul'tura materinstva v vysshih sloyah obshchestva industrial'noj Rossii. – Smolensk: izdat. Smolenskaya gorodskaya tipografiya, 2015. – 384 s.
40. *Sidorovich K.* Deti i polovoj vopros. SPb.: «Svet i razum», 1909. – 227 s.
41. *Drentel'n E.S.* Ehtyudy o prirode zhenshchiny i muzhchiny. M.–Har'kov: Brejtingam, 1908. – XVI, 285 s.
42. *Trudy Pervogo vserossijskogo s"ezda po bor'be s torgom zhenshchinami i ego prichinami, proiskhodivshego v S.-Peterburge s 21 po 25 aprelya 1910 goda.* T. 1–2. – SPb., 1911–1912. – T. 2. – 335–624 s.
43. *Dernova-YAkovenko A.* K voprosu o «shkole roditelej i vospitatelej» // Svobodnoe vospitanie. – 1908–1909. – № 11. – S. 17–23.
44. *Veremenko V.A.* Ideya sovместnogo obucheniya i ee realizaciya v srednej shkole Rossii v nachale XX veka // Duhovnaya zhizn' regional'nyh soobshchestv: istoriya, kul'tura, povsednevnost'. Sb. dokladov mezhd. nauch. konf. – Kazan': Izd-vo Kazansk. gos. arhitekt.-str. uni-ta, 2014. – S. 251–254.
45. *Durylina S.* Istoriya odnoj svobodnoj shkoly. Pedagogicheskaya deyatel'nost' M.A. Bykovej. (1841–1907 gg.) // Svobodnoe vospitanie. – 1907–1908. – № 1. – S. 68–75.
46. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA). F. 733. Op. 196. D. 234.
47. *Terent'eva A.N.* Otkrytoe pis'mo k obshchestvu. Pis'mo materi. – M.: Tipografiya V.Karyakina, 1912. – 22 s.
48. *Shkola i zhizn'.* – 1912. – №22.
49. RGIA. F. 733. Op. 168. D. 239.
50. *Dlya nashih synovej, kogda im budet 18 let.* – M.: L.A. Zolotarev, 1904. – 44 s.

51. *Odna iz obyazannostej materi.* Posobie po seksual'nomu vospitaniju detej. – SPb.: tip. P.P. Ryabushinskogo, 1907. – 40 s.
52. *Sinickij L.D.* Psihologiya yunosheskogo vozrasta / L.D. Sedov [psevd.]. – M.: tip.-lit. V. Rihter, 1897. – 67 s.
53. *Roditel'skaya zabota.* – Vyp. 1–3. – M., 1897–1902.
54. *Muzhchina i zhenshchina.* Ih vzaimnye otnosheniya i polozhenie, zanimaeomoe imi v sovrem. kul'tur. zhizni. Kollektiv. trud, v kotorom prinyali uchastie: prof. T. Ahelis, V. Bel'she, I. Bloh, Borinskij, Lili Braun, YU. Vejs, V. Gaberlyandt, T. Geller, I. Koller, R. Kossman, Al'b. Moll', Fr. Cann, EH. Cukkerkandl' i dr / Avtoriz. per. s nem. pod red.i s dop.: prof. A.S. Dogelya, D.S. Klemenca, zhenshchiny-vracha A.N. SHabanovoj i M.A. EHngel'gardta. – T. 1–3. – SPb.: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1911. – T. 2. – 760 s.
55. *Pokrovskaya M.I.* O vneklassnom nadzore za uchashchimisya // ZHenskij vestnik. – 1912. – № 1. – S. 18–20.
56. *Gricaj L.A.* Nravstvennye aspekty problemy polovogo vospitaniya detej v sem'e v pedagogicheskom nasledii N.E. Rumyanceva i ego sovremennikov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – № 374. – S. 156–159.
57. *Lozinskij E.* Novye problemy vospitaniya: v 2 ch. – SPb., 1912. T. 1. – 287 s.
58. *E.P.* K voprosu o polovom vospitanii // Svobodnoe vospitanie. – 1907–1908. – № 12.